ОГЛАВЛЕНИЕ

ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ ЛЮДИ: ИСТОРИЯ БЛИЗЛЕЖАЩЕГО И ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

Предисловие 7
Вступление (написанное одним из Последних Людей) . 12

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Глава I. Балканская Европа 17
Глава II. Падение Европы 42
Глава III. Америка и Китай 57
Глава IV. Американизированная планета 81
Глава V. Падение Первых Людей 110
Глава VI. Переходный период 138
Глава VII. Возвышение Вторых Людей 153
Глава VIII. Марсиане 177
Глава IX. Земля и Марс 198
Глава X. Третьи Люди в диком мире 222
Глава XI. Человек переделывает себя 247
Глава XII. Последние обитатели Земли 276
Глава XIII. Человечество на Венере 303
Глава XIV. Нептун 324
Глава XV. Последние Люди 338
Глава XVI. Конец Человека 374

СОЗДАТЕЛЬ ЗВЕЗД

Предисловие 395
Глава I. Земля 399
Глава II. Межзвездное путешествие 408

Глава III. Другая Земля 419
Глава IV. Снова в путь 452
Глава V. Бесконечные миры 462
Глава VI. Намеки Создателя звезд 486
Глава VII. Еще больше миров. 492
Глава VIII. О самих исследователях 524
Глава IX. Сообщество миров 529
Глава X. Галактика. 573
Глава XI. Звезды и паразиты. 583
Глава XII. Чахлый дух космоса 606
Глава XIII. Начало и конец 610
Глава XIV. Миф о Творении 630
Глава XV. Создатель и его создания 634
Глава XVI. Эпилог. Возвращение на Землю 657

Замечание о величинах 664

СТРАННЫЙ ДЖОН

Глава I. Джон и автор 671
Глава II. Ранний период 675
Глава III. Enfant Terrible 683
Глава IV. Джон и старшее поколение 692
Глава V. Мысль и дело 704
Глава VI. Множество изобретений 715
Глава VII. Финансовые риски 725
Глава VIII. Возмутительное поведение 732
Глава IX. Юный антрополог и его методы 744
Глава X. Судьбы мира 750
Глава XI. Странные встречи 771
Глава XII. Джон среди дикой природы 778
Глава XIII. Джон ищет себе подобных 791
Глава XIV. Технические задачи. 803
Глава XV. Жаклин 809
Глава XVI. Эдлан 818

ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ ЛЮДИ:

ИСТОРИЯ БЛИЗЛЕЖАЩЕГО И ДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это произведение относится к разряду вымысла. Я попытался сочинить историю, которая может показаться вполне возможным или, по крайней мере, не абсолютно невозможным рассказом о будущем человека; и я попытался сделать этот рассказ достаточно актуальным по отношению к тем переменам, что имеют сегодня место в человеческом мировоззрении.

Стремление приукрасить будущее может показаться уступкой ради спасения прекрасного. Однако управляемое воображение в этой области может оказаться весьма полезным упражнением для умов, озадаченных настоящим и его потенциальными возможностями. Сегодня нам следует приветствовать и даже изучать каждую серьезную попытку предвидения будущего рода человеческого — не только для того, чтобы ухватить самые разнообразные и зачастую трагические перспективы, с которыми нам предстоит столкнуться, но также и потому, что мы сами можем ознакомиться с несомненным фактом, что многие из столь дорогих нашему сердцу идеалов должны показаться легкомыс-

ленными и незрелыми для более развитого сознания.

Идеализация далекого будущего к тому же является попыткой представить человеческую расу в космическом окружении и приготовить наши сердца к восприятию новых ценностей.

Но чтобы такое мысленное построение одного из вероятных будущих оказалось достаточно убедительным, наше воображение должно находиться в жестких рамках. Надо стараться не выходить за границы возможного, установленные тем особым состоянием цивилизации, в которой живем. Голая фантазия имеет слабую силу — не ту, что нужно искать на самом деле, чтобы предсказать, что именно произойдет, потому что в нашей настоящей жизни такое предсказание бесполезно и помогает лишь в простейших случаях. Мы не выступаем в роли историков, заглядывающих вперед, вместо того чтобы оглянуться назад. Мы можем лишь выбрать единственную нить из целого клубка разных и в одинаковой степени важных возможностей. Но при выборе у нас должна быть цель. Деятельность, которой мы при этом занимаемся, — это не наука, а скорее искусство, и действие, которое она должна оказать на читателя, должно быть аналогично воздействию искусства.

Однако наша цель не только в том, чтобы создать превосходное в эстетическом смысле фантастическое видение. Мы должны добиться создания не просто истории, не просто фантазии, а мифа. Правдивого мифа, который внутри вселенной с определенной культурой (живой или не существующей) ярко выражает, и зачастую, возможно, трагически ее наиболее восхитительные стороны. Надуманный миф либо резко нарушает границы правдоподобия, установленные его же собственными культурными формами, либо выражает менее восхитительные стороны, чем те, что находятся в поле зрения его культурного диапазона. Эта книга более похожа на правдивое предсказание, чем на правдивый миф. Но все же она является попыткой создания мифа.

То будущее, которое придумано здесь, не должно, как я думаю, показаться абсолютно фантастическим или, во всяком случае, столь фантастичным, чтобы не иметь неко-

торого смысла для тех современных людей на Западе, которые знакомы с противоположными взглядами. Выбери я форму, где не было бы вообще никакой фантастики, сама ее правдивость сделала бы ее неправдоподобной. По меньшей мере одна из характеристик будущего здесь может быть почти верной — большая часть его будет именно такой, что мы привыкли называть невероятным. В одном, пожалуй, важном аспекте я, возможно, могу показаться впадающим в непозволительную крайность. Я предположил, что обитатель далекого будущего должен связаться с нами, живущими именно сейчас. Я использовал допущение, что у него имеется способность частично управлять деятельностью разума живущих ныне и что данная книга является продуктом такого влияния. Однако и такая выдумка не абсолютно невозможна. Хотя я мог бы, разумеется, очень легко обойтись и без нее, совершенно незначительно изменив тему. Но введение ее было более чем удобно. Только благодаря такому радикальному и вызывающему замешательство приему я мог использовать возможность, которая присутствует в связанном со временем действии гораздо в большей степени, чем мы можем то определить. Разумеется, только благодаря подобному трюку я смог обосновать, что все наше настоящее сознание является лишь предварительным и не очень удачным этапом первого эксперимента.

Если случится такое, что эта книга будет открыта кем-то из жителей будущего — например, одним из представителей следующего поколения, занятого разборкой оставшегося от предков хлама, — она несомненно вызовет улыбку, потому что здесь отсутствует многое, для открытия чего не было пока никаких предпосылок. И, разумеется, даже при жизни нашего поколения могут произойти столь неожиданные и столь радикальные изменения, что очень скоро эта книга будет выглядеть слишком наивной. Но это неважно. Мы, живущие сейчас, должны задуматься как можно глубже над нашим отношением к окружающей вселенной; и хотя наши предположения покажутся наивными фантазиями людям будущего, их значение для целей сегодняшнего дня от этого не может стать меньше.

Читатели, которые воспримут мою книгу как попытку предсказания, могут посчитать, что она чрезмерно пессимистична. Но это не предсказание, это миф или попытка мифа. Все мы хотим, чтобы будущее оказалось более счастливым, чем я показал его. В особенности мы желаем, чтобы наша современная цивилизация постоянно двигалась к некоему виду утопии. Мысль о том, что она может обветшать и рухнуть и что все ее духовные ценности могут оказаться безвозвратно потеряны, для нас неприятна. Однако это должно быть рассмотрено хотя бы как возможность. И трагедия подобного рода, трагедия расы, должна, как мне кажется, быть отражена в каком-то соответствующем мифе.

И поэтому, раз в наше время явно прорастают как семена надежды, так и семена отчаяния, я изобразил, в чисто эстетических целях, что наша раса уничтожит сама себя. Сегодня мы наблюдаем горячее и искреннее движение за мир и международное единство, и несомненно, что при удаче и разумном управлении этим процессом он может привести к триумфу. Нам следует горячо надеяться, что так и будет. Но в этой книге я изобразил, что это великое движение потерпит крах. Я предполагаю, что оно неспособно предотвратить череду мировых войн, и я позволяю ему достичь цели — единства и мира — лишь после того, как будет разрушен сложившийся менталитет расы. Может быть, этого и не случится! Может быть, Лига Наций или более серьезный международный орган управления сделает прорыв вперед раньше, чем станет слишком поздно! Однако позвольте отыскать укромный уголок в нашем сознании или сердце для мысли о том, что вся деятельность нашей расы может оказаться в конце концов лишь мелким и безуспешным эпизодом в более масштабной драме, которая к тому же может оказаться трагедией.

Американские читатели, если таковые случатся, могут ощутить, что в повествовании для их великой нации отведена в некотором роде неблаговидная роль. Я изобразил триумф более грубого вида американизма, чем он представлен в замечательной и многообещающей американской культуре. Может быть, такого никогда не произойдет в реальном

мире. Сами американцы тем не менее допускают возможность подобного исхода и, я надеюсь, простят меня за столь подчеркнутое выражение этого и использование их в качестве ранней поворотной точки в этой долгой драме Человека.

При попытке постичь подобную драму следовало принимать во внимание, что может сказать относительно собственной природы человека и его физического окружения современная наука. Я попытался дополнить свои небольшие познания в естественной науке настоятельными советами моих друзей-ученых. Особенно мне помогли беседы с профессорами П. Дж. Г. Босуэллом, Дж. Джонстоном и Дж. Райсом из Ливерпуля. Но они ни в малейшей степени не виноваты во многих преднамеренных преувеличениях, которые, хотя и служат цели моего замысла, могут резать слух ученого.

Я весьма обязан доктору Л. Э. Рейду за общие комментарии, а мистеру И. В. Риу — за многочисленные и весьма ценные соображения. И не могу не выразить должную признательность за постоянную поддержку и критику профессору миссис Л. К. Мартин, прочитавшей всю мою книгу в рукописи. А перед изумительным здравомыслием моей жены нахожусь куда в большем долгу, чем она сама предполагает.

Прежде чем закончить это предисловие, хочу напомнить читателю, что рассказчик, проходящий сквозь все последующие страницы, первое и единственное действующее лицо, представляется не как реальный автор, а всего лишь как личность, живущая в чрезвычайно далеком будущем.

Вест Кирби О. С.
Июль 1930

ВСТУПЛЕНИЕ

(НАПИСАННОЕ ОДНИМ ИЗ ПОСЛЕДНИХ ЛЮДЕЙ)

Эта книга имеет двух авторов, один из которых — современник читателей, а другой — житель той эпохи, которую следует называть далеким будущим. Мозг, что придумывает и пишет эти строчки, живет во времена Эйнштейна. Однако я, истинный вдохновитель этой книги, тот, кто породил ее через его посредство, тот, кто влияет на замысел этого примитивного существа, обитаю в эпохе, которая по отношению к Эйнштейну лежит в очень отдаленном будущем.

Пишущий полагает, что он замышляет всего лишь фантастическую повесть. Хотя он и пытается рассказать правдоподобную историю, он не только сам не верит в нее, но и не ожидает, что в нее поверят и другие. Однако история эта правдива. Существо, которое вы назвали бы человеком будущего, взяло под свой контроль послушный, но вряд ли адекватный мозг вашего современника и пытается направить его естественные процессы для достижения чуждой тому цели. Таким образом будущая эпоха по-

лучает контакт с вашим временем. Терпеливо выслушайте меня, потому что мы — те, кто является Последними Людьми, искренне желающими связаться с вами, мы — те, кто тоже входит в изначальный род человеческий. Мы можем помочь вам, и нам нужна ваша помощь.

Вы не поверите этому. Ваше знание времени слишком несовершенно и неполно, и поэтому ваше понимание его затруднено. Но дело не в этом. Не ломайте голову над этим фактом, столь трудно постижимым вами и столь знакомым нам, живущим через миллиарды лет. Примите лишь как нечто необычное саму идею, что мысль и желание людей будущего могут проникнуть к вам, изредка, без каких-либо затруднений, в том числе в мыслительные процессы ваших современников. Представьте, что вы поверили в это и в то, что последующее хронологическое описание событий является посланием Последних Людей. Хотя бы вообразите допустимость такого доверия. Иначе я не смогу дать жизнь той панорамной исторической повести, которую считаю своим долгом донести до вас.

Когда ваши писатели приукрашивают будущее, они слишком легко представляют себе путь к некоей разновидности Утопии, в которой существа как таковые живут в абсолютном блаженстве посреди условий, превосходно подходящих к устоявшейся натуре человека. Я не собираюсь описывать ни один подобный рай. Напротив, я собираюсь описать гигантские перепады радости и печали, результаты изменений не только в окружающей человека среде, но и в его изменчивой натуре. И я должен рассказать, каким образом в мою собственную эпоху, имея наконец достаточно высокий уровень духовной зрелости и философского склада ума, человек вынужден, в силу непредвиденных обстоятельств, браться за предприятие столь же отчаянное, как и неприятное.

Я приглашаю вас, таким образом, в воображаемое путешествие через эпохи и вечности, лежащие между вашим временем и моим. Я приглашаю вас проследить такую историю перемен, печали, надежды и непредвиденных катастроф, какая не происходила больше нигде внутри пространства, опоясан-

ного Млечным Путем. Но сначала весьма уместно рассмотреть несколько моментов, наиболее значительных в космическом смысле. Потому что сжатая до необходимой компактности повесть, которую мне предстоит рассказать, может показаться всего лишь описанием последовательности приключений и катастроф, выстроенных одна за другой без какого-либо разумного порядка. Но на самом деле жизненный путь человечества похож скорее не на горный поток, спешащий с камня на камень, а на огромную медленно текущую реку, очень редко прерываемую порогами. Эпохи покоя, часто напоминающие абсолютную стагнацию, заполненные монотонными делами и тяжелым трудом огромного числа почти полностью схожих жизней, прерываются редкими моментами авантюр отдельных наций. Более того, даже те немногие, очень быстрые с виду явления были на самом деле зачастую вялотекущими и скучными. Они достигали иллюзии быстроты лишь по сравнению со скоростью общего течения событий.

Глубины времени и пространства, хотя, разумеется, и могли быть смутно постигнуты даже примитивным разумом, не смогли сохраниться в воображении существами, не обладающими достаточно богатой натурой. Общий обзор горной гряды представляется простодушному взору почти равниной, а звездная пустота — крышей, пронизанной лучами света. Однако на самом деле, в то время как ближайшая местность может быть обследована за часовую прогулку, линия горизонта, покрытая горными пиками, скрывает в себе равнину за равниной. Точно так же обстоит дело и со временем. Тогда как ближайшее прошлое и близлежащее будущее отражаются как взаимно связанные глубины, удаленная безграничность времени в перспективе укорачивается. Для обыденного ума почти непостижимо, что вся история человечества может быть всего лишь каким-то мгновеньем в жизни звезд и что отдаленные события замкнуты внутри себя, в своих эпохах.

В свое время вам приходилось учиться делать вычисления, оперируя численными значениями времени и пространства. Но чтобы охватить излагаемое мной в нужных пропорциях, необходимо проделать нечто большее, чем

вычисления. Необходимо поразмышлять над этими величинами, настроиться на понимание их, прочувствовать собственную ничтожность здесь и сейчас и того момента цивилизации, который вы называете историей. Вы не можете даже надеяться вообразить, как это обычно рекомендуется, столь огромные соотношения, как, например, единица в одной тысяче миллионов, потому что ваши органы чувств и вследствие этого ваше восприятие слишком крупнозернисты, чтобы выделять столь малые частицы из их общего поля. Но вы можете путем одних лишь раздумий охватить более непрерывно и уверенно смысл и важность ваших вычислений.

Люди вашего времени, оглядываясь на прошедшую историю их планеты, замечают не только длительность времени, но также потрясающее ускорение жизненного прогресса. Еле ползущий в ранние периоды развития Земли, в ваши дни он кажется безудержным. Заметьте, что он не просто занимает более высокий уровень, чем раньше, в отношении способности восприятия, знаний, интуиции, тонкости восхищения и разумности желания, но и ускоряется от столетия к столетию, и ускоряется все быстрее. Что дальше? Несомненно, думаете вы, должно наступить время, когда больше не останется непокоренных вершин.

Такой взгляд ошибочен. Вы недооцениваете даже подножья холмов, что стоят перед вами, и ничуть не подозреваете, что далеко над ними, скрытые облаками, раскинулись ущелья и снежные поля. Умственные и духовные успехи, которые в ваши дни, заметьте, все еще ограничены Солнечной системой, необычайно сложнее, обоснованнее и опасней, чем те, что уже были достигнуты ранее. И хотя в некоторых простых отношениях вы и добились полного развития, более высокий потенциал вашей духовности еще даже и не начал давать побегов.

Так или иначе, далее мне следует помочь вам ощутить не только безграничность пространства и времени, но также и широкое разнообразие способов мышления. Но это я использую лишь в качестве намека, поскольку слишком много всего лежит за границами вашего воображения.

16 Историки, живущие в ваши дни, обычно рассматривают всего лишь один момент из общего потока времени. Мне же предстоит представить в одной книге сущность не отдельных столетий, а целых эпох. Совершенно ясно, что мы не можем просто на досуге прогуляться по такому пути, на котором миллион земных лет эквивалентен всего лишь году в понимании ваших историков. Мы должны лететь. Мы должны путешествовать так, как это делаете вы на своих аэропланах, обозревая лишь общие контуры континента. Но поскольку пилот не видит никого из находящихся под ним обитателей — хотя, однако, именно они и являются теми, кто делает историю, — мы еще должны перемежать наш быстрый полет с множеством спусков, скользя над самыми крышами домов, и даже иногда высаживаться в критических точках, чтобы оказаться лицом к лицу с отдельными людьми. И как воздушное путешествие должно начаться от перемещения ограниченного взгляда пешехода к более широким горизонтам, так и мы должны начать до некоторой степени похожий осмотр с того небольшого периода, который включает кульминацию и падение вашей собственной примитивной цивилизации.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ГЛАВА I
Балканская Европа

1. Европейская война и последующие годы

Обратим теперь взгляд на вашу собственную историческую эпоху, как она представляется сообществу Последних Людей.

Задолго до того, как человеческий дух ожил, чтобы пролить свет на основы мироздания и свои собственные, он временами пробуждался, озадаченно открывая глаза, и засыпал вновь. Один из таких моментов самого раннего жизненного опыта заключает в себе все усилия, весь путь Первых Людей от первобытного состояния к цивилизации. Внутри этого периода вы находитесь почти в той самой точке, когда биологический вид достигает своего наивысшего развития. Едва ли не вся лежащая за пределом вашего времени ранняя культура должна казаться прогрессирующей, и вот уже в ваше время интеллект расы обнаруживает признаки упадка.

Первым и, по общему мнению, важнейшим достижением вашей собствен-

ной «Западной» культуры было понимание двух идеалов поведения, так необходимых для духовного процветания. Сократ, на самом деле философствующий лишь для собственного удовольствия, а не для практических нужд, возвеличил беспристрастное рассуждение, добродетель ума и речи. Христос, восхищавший окружавших его людей, в этом аромате божественности, которая, для него, пронизывала весь мир, символизировал пример бескорыстной любви к ближним и к Богу. Сократ пробудил окружающих к идеалу беспристрастного ума, Иисус — к идеалу страстного, хотя и самозабвенного, поклонения. Сократ выдвигал честность и прямоту разума, Иисус — честность и прямоту желаний. Каждый из идеалов, разумеется, хотя и начинался с разных акцентов, включал в себя черты другого.

К сожалению, оба идеала требовали от человеческого мозга такой жизненной силы и совершенства в следовании логике, на которые реально никогда не была способна нервная система Первых Людей. На протяжении многих веков эти звезды-близнецы безрезультатно манили к себе наиболее развившихся человеческих особей из общего стада людей-животных. Их неспособность практически реализовать эти идеалы дала возможность развиться в расе циничной апатии, которая и была одной из причин ее разложения.

Но были и другие причины. Люди, из которых вышли и Сократ, и Иисус, также находились среди первых, которые чувствовали восторг перед Судьбой. В греческом искусстве трагедии и в иудейской вере в божественность закона, равно как в индийском смирении, человек узнавал на опыте, сначала очень смутно, то видение внеземной и божественной красоты, которая должна возвеличивать его и ставить в тупик, снова и снова, на всем его жизненном пути. Противоречие между этим поклонением и непреклонной тягой к Жизни, борющейся со Смертью, оказывалось неразрешимым. И хотя некоторые отдельные личности были весьма искушенными в этом, в целом человеческая раса вновь и вновь испытывала затруднения в своем духовном развитии из-за этой величайшей дилеммы.

А пока человек был сбит с толку и соблазнен этими преждевременными познаниями. Действительное соци-